жилища северокавказского села по-прежнему сохраняется некоторая традиционность— ковры, паласы, циновки, отдельные предметы утвари, создающие определенный этнический колорит.

Автор статьи «Основные комплексы традиционной одежды аварцев и их трансформация в советское время» — Г. А. Сергеева в своем исследовании опирается преимущественно на богатый полевой материал, собранный во время многочисленных экспедиций в горные районы Дагестана. Предваряя основную часть работы, автор останавливается на тех факторах, которые влияли на трансформацию одежды, причем большее внимание уделяется контактам аварцев с соседними народами. Дальнейшее исследование строится в соответствии с определенными комплексами одежды, которые Г. А. Сергеева выделяет как в мужском, так и в женском костюмах. Это первая попытка выделения ареальных комплексов аварской одежды, и, на наш взгляд, она выглядит весьма убедительно.

Обширные материалы статьи, несомненно, дают многое не только для изучения одной из важнейших проблем сборника — культурно-бытовых процессов. Эти материалы с успехом могут использоваться и исследователями истории материальной культуры. Здесь приводится множество ценных сведений по одежде, головным уборам и обуви аварцев, а также всех этнографических групп этого народа — андийцев, арчинцев, ахвахцев, багулалов, бежтин, ботлихцев, гинухцев, годоберинцев, дидойцев, каратин, тиндалов, хваршин, чамалалов.

Выводы Г. А. Сергеевой и других авторов рецензируемого сборника свидетельствуют об общности процессов, происходящих в бытовой культуре народов Кавказа. Это, прежде всего, процессы европеизации бытовой культуры (в данном конкретном случае — одежды), особенно активные с 1930-х годов. Результатом их было появление форм, органически сочетающих в себе новые («европейские», городские) и традиционные элементы, которые, как подчеркивает автор, сохраняются весьма стойко.

Заключает сборник статья Г. В. Цулая «Современная этнодемографическая ситуация в Грузии в грузинской этнографической литературе (1964—1974)». Автор статьи пишет, что грузинские ученые достигли значительных успехов в изучении этнодемографических процессов в республике. Свидетельство тому — многочисленные труды и публикации по данной тематике, главные и наиболее значительные из которых подробно охарактеризованы в статье. Обзор литературы, предпринятый автором, знакомит нас с некоторыми наиболее интересными трудами грузинских этнографов одного десятилетия. Нужно отметить, что работы, рассматриваемые автором, по осуществу выходят за рамки проблемы, заявленной в названии. Г. В. Цулая не менее детально останавливается на исследованиях грузинских авторов, посвященных быту и культуре колхозного крестьянства и рабочих Грузии, материальной культуре ряда районов республики, современным семейным отношениям грузин.

Исследования, подобные статье Г. В. Цулая, представляются нам весьма нужными, поскольку подавляющее большинство современных грузиноведческих работ опубликовано на грузинском языке.

Подводя итоги, можно не только положительно оценить большую работу авторского коллектива сборника, но и высказать надежду, что этот труд положит начало дальнейшей разработке проблем этнических и культурно-бытовых процессов у народов Кавказа. Перед отечественными учеными-кавказоведами стоит задача активного изучения подобных процессов в период развитого социализма, на что еще раз ориентируют нас решения XXVI съезда КПСС. Небезынтересным представляется нам также исследование аналогичных процессов и в более давние исторические эпохи. Но это дело будущего, а пока мы получили несомненно интересную работу, подводящую итоги научных исследований коллектива специалистов-кавказоведов Института этнографии АН СССР и представляющую собой вклад не только в этнографию народов Кавказа, но и в разработку столь актуальной, практически важной и научно значимой проблемы, как этнические и культурно-бытовые процессы у народов мира.

Л. Б. Заседателева

С. Ш. Гаджиева. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX — начало XX в. М.: Наука, 1979. 172 с.

Этнографическая литература по истории семьи и брака у отдельных народов Кавказа довольно значительна, но специальные монографии по данной тематике до сих пор отсутствовали. Уже одно это делает появление рецензируемой книги заметным событием в этнографии народов Дагестана и, шире, всего Кавказа. Книга представляет тем больший интерес, что принадлежит перу одного из ведущих этнографов-кавказоведов, автору нескольких монографических работ (в том числе о современной дагестанской семье) — С. Ш. Гаджиевой.

Монография открывается небольшим введением, в котором рассматриваются задачи исследования, историография вопроса и содержится краткая этнографическая характеристика ногайцев. Здесь привлекает внимание интересная попытка определить одну из

важнейших функций семьи как «воспитание подрастающего поколения, а также самовоспитание и взаимовоспитание супругов» (с. 6). Для выявления этой функции, указывает автор, большое значение имеет изучение характера взаимоотношений в семье, кооперации и разделения труда, а также образа жизни семьи, включающего материальный и духовный аспекты. Исследование образа жизни семьи в свою очередь предполагает исследование семейных традиций и обрядов — и прогрессивных, и консервативных. Разграничение тех и других составляет не только теоретико-методологическую, но и практическую задачу этнографии. Но чтобы понять новые семейно-бытовые процессы, и в частности формирование новых семейных отношений, необходимо предпринять сравнительный анализ старой и новой семьи. Такой анализ имеет не только чисто исследовательское, но и практическое значение, так как позволяет целенаправленно формировать новые отношения в семье, новые традиции и обряды (с. 6).

В главе 1 —«Большая и малая семья»— рассматривается соотношение этих структур и дается характеристика каждой из них в отдельности. При этом, хотя у ногайцев в рассматриваемое время абсолютно преобладала малая семья, автор детальнее останавливается на большой, показывая ее состав, свойственные ей имущественно-правовые отношения, разделение в ней труда и принятые в ней формы управления. Думается, что для такого неформального распределения материала есть по крайней мере два серьезных основания. Во-первых, большая семья в основном принадлежит прошлому, и ее характеристика — более трудная и тонкая исследовательская задача, чем характеристика малой семьи. Во-вторых, сама она как социальная структура значительно сложнее малой семьи, и при ее изучении этнограф сталкивается со многими не решенными до конца вопросами. Касаясь этих вопросов, автор отчасти принимает решения, в свое время предложенные М. О. Косвеном (например, о незначительном удельном весе отдельного имущества женщины в большой семье), но и в этих случаях стремится их уточнить. В частности, С. Ш. Гаджиева справедливо замечает, что женщины все же стремились сберечь и приумножить свое отдельное имущество (с. 30). Интересно также указание автора на то, что в условиях кочевого быта семейно-общинное потребление имело свои особенности: супружеские пары часто должны были питаться, хотя и из общих запасов, но врозь (с. 30).

Однако наиболее сложной и интересной проблемой, поднимаемой в данной главе, нам представляется само соотношение большесемейной и малосемейной организации, проведенное по этнографическим и статистическим данным. «Отвечая на наши вопросы о степени бытования в прошлом неразделенных больших семей,— пишет С. Ш. Гаджиева,— многочисленные информаторы-ногайцы подчеркивали их широкое распространение в дореволюционный период. Многие даже утверждали, что проживающих большими семьями, включающими несколько поколений близких родственников или несколько неразделенных братьев с их детьми и женами, было больше, чем малых семей, и что раздел при жизни отца оценивался общественным мнением как отрицательное явление, как отступление от общественных норм... Однако эти сведения информаторов не согласуются с данными изученных нами посемейных списков переписи 1897 г., в которых абсолютно преобладали малые семьи» (с. 21—22). Автор, безоговорочно основываясь на статистических данных посемейных списков, определяет соотношение больших и малых семей в конце XIX в. как 19 : 81.

Несоответствие этнографических характеристик и статистических показателей соотношения большой и малой семьи и раньше обращало на себя внимание этнографов-кавказоведов, сталкивавшихся с этой контроверзой при изучении самых различных народов региона. Исследователи решали вопрос по-разному: одни отдавали предпочтение полевой информации [1], другие — количественным характеристикам [2]. Некоторые, например Б. А. Калоев, пытались осмыслить причины противоречивости имеющихся данных и высказывали предположение, что горцы умышленно приуменьшали численный состав своих семей, чтобы снизить размеры податей [3]. Но согласиться с этим нельзя. Введенные вскоре после окончания Кавказской войны государственные налоги были не подушными, а подымными. Скорее играл роль другой фактор — подымное землепользование, которое могло побуждать как к реальному, так и к фиктивному разделу больших семей. Однако значение этого фактора также не следует переоценивать. Повсеместно сельские общества противились невыгодному для других общинников разделу семей и стремились не допускать сколько-нибудь широкой практики реальных, а тем более фиктивных разделов.

Мы согласны с С. Ш. Гаджиевой в том, что этнографическая информация требует статистических коррективов. Более того, мы склонны думать, что содержащиеся в такой информации искажения реальной картины с неизбежностью обусловлены психологически: большая семья как институт более редкий и своеобразный привлекает к себе

[1] См., например: *Студенецкая Е. Н.* О большой семье у кабардинцев в XIX в.— Сов. этнография, 1950, № 2, с. 176; *Шикова Т. Т.* Семья и семейный быт кабардинцев в прошлом и настоящем: Канд. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1956, с. 102—103.

[2] См., например: *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII—первая половина XIX в.). М., 1967, с. 41.

[3] *Калоев Б. А.* Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1971, с. 203, 204.

больше внимания и в конечном итоге занимает почти все поле зрения. Но, вероятно, Б. А. Калоев в какой-то мере прав в том, что и статистические данные требуют этнографических коррективов. Только коррективы эти должны делаться не на приуменьшение численного состава семей, а совсем на другое — на приблизительность, может быть, даже нередкую произвольность определения численного состава тех семей, которые находились в переходном состоянии от больших к малым и, строго говоря, не были ни большими, ни малыми. Указания на такие семьи, уже разделившиеся, но по тем или иным причинам сохранившие общее, большесемейное хозяйство, содержатся в литературе практически по всем народам Северного Кавказа и Дагестана. И исследование этого переходного типа семей, само существование которых определяется несовпадением семейного и домашнего циклов, еще никем не предпринято.

Привлекает внимание еще одно содержащееся в рассматриваемой главе ценное замечание — о том, что большая семья, как правило, свойственна оседлоземледельческим, а не кочевым группам ногайцев (с. 15). В связи с этой мыслью, высказывавшейся ранее исследователями народов Передней и Средней Азии, напрашивается вывод о сравнительной легкости распада большесемейных образований в чисто кочевых обществах, не знающих земледелия.

В главе 2 —«Семейная обрядность»— характеризуются обычаи и обряды, связанные с формированием и бытом традиционной семьи. Автор выделяет здесь семь комплексов: (1) заключение брака, (2) свадебный цикл, (3) избегания и запреты, связанные с браком и семейными отношениями, (4) обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, а также детские игры, песни, развлечения, (5) формы искусственного родства — аталычество и побратимство, (6) погребальные обычаи и обряды и (7) кровная месть. Каждый из комплексов детально описывается и анализируется, и в итоге посвященная им глава — самая обширная и полнокровная в книге.

Очень содержателен, в частности, раздел о заключении брака. Автор подробно исследует брачный возраст; брачные запреты и ограничения, связанные с кровным и искусственным родством; формы заключения брака, в том числе такие пережиточные, как колыбельный сговор, обменный брак, левират и сорорат; калым, приданое и взаимные подарки сторон жениха и невесты. В связи с патрилинейной экзогамией рассматривается былое родо-племенное деление ногайцев и показывается постепенный процесс перехода от родовой к поколенной экзогамии. Автор прослеживает также появление наряду с выкупом за невесту — калымом махара, или кебин акы — предписанного шариатом материального обеспечения жене на случай вдовства или развода. Есть в разделе и отдельные пробелы: так, отсутствуют сведения о предпочтительных браках старших братьев и сестер или о сословно-классовых брачных ограничениях. Некоторые положения спорны: например, объяснение абсолютного преобладания национально-смешанных браков мужчин тем, что ногайцы платили сравнительно большой выкуп за невесту (с. 74). Здесь следовало бы учесть, что и у других народов Северного Кавказа и Дагестана, как правило, резко преобладали смешанные браки мужчин, причем это никак не зависело от размеров принятого у них брачного выкупа. Мы пытались дать этому факту другое объяснение: при неодобрительном отношении к смешанным бракам вообще традиционно ориентированные этносы особенно неохотно расставались с женщинами, так как в условиях патрилокального поселения и отцовского счета происхождения в этих случаях не только сами женщины, но и рожденные ими дети были фактически потеряны для данного народа [4].

Так же обстоятелен раздел о свадебном цикле, одно из центральных мест в котором занимает убедительное истолкование остатков матрилокального и дислокального брака. Особенности ногайской свадьбы открывают для этого значительные возможности, так как брачная жизнь зачастую начиналась уже в доме родителей невесты. С этими особенностями ногайской свадьбы, очевидно, в большой мере связано и описываемое автором свадебное скрывание жениха и невесты. Раздел заканчивается сведениями о браке похищением: их, пожалуй, лучше было бы дать в предыдущем разделе.

Другие разделы главы короче, но не менее насыщены фактическим материалом. Особенно удачным надо признать раздел об искусственном родстве, где дается развернутая классификация разновидностей ногайского аталычества. Как показывает С. Ш. Гаджиева, у ногайцев этих разновидностей больше, чем у других народов Кавказа. Наряду с классическим кавказским аталычеством — передачей ребенка из феодальной среды на воспитание в семью нижестоящего феодала или крестьянина — она различает у них еще три вида аталычества, зафиксированных ее собственными полевыми материалами. Первый из них «не был связан ни с кормлением грудью передаваемого на воспитание ребенка, ни тем более с поселением воспитуемого в дом воспитателя, ибо в данном случае аталыка выбирал себе взрослый молодой человек или же, наоборот, аталык брал себе на воспитание юношу» (с. 123). Второй возникал тогда, когда две семьи, у которых одновременно рождались дети, договаривались породниться. «Они приглашали друг друга в гости, обменивались подарками для новорожденных, и отцы семейства взаимно называли друг друга аталыками» (с. 125). Третий вид автор условно называет наставничеством: подросток или его семья обращались к пожилому и ува-

[4] *Смирнова Я. С.* Смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии.— Сов. этнография, 1967, № 4.

жаемому в обществе человеку с просьбой стать аталыком-наставником. «К аталычеству этого вида прибегали юноши, а в ряде случаев и девушки самого различного возраста, но чаще всего с 9—10 до 25—30 лет» (с. 125). Все три обнаруженные разновидности аталычества имели классовый характер. Автор подчеркивает, что во всех случаях аталыков старались брать из числа состоятельных людей, а те рассчитывали расширить через искусственное родство круг зависимых и эксплуатируемых ногайцев. Приводимые С. Ш. Гаджиевой данные, несомненно, уникальны по своей ценности, хотя при знакомстве с ними у читателя и возникают вопросы. Один из них: чем отличается первый вновь обнаруженный вид аталычества от третьего? И другой: можно ли вообще считать эти разновидности искусственного породнения, которые сами нагайцы называют аталычеством, аталычеством в научном смысле данного слова? Ведь в этнографии принято видеть в кавказском аталычестве, как и в английском fosterage и аналогичных им обычаях ряда других народов, не всякое искусственное родство или даже усыновление, а именно передачу на воспитание в другую семью. Думается, что оба вопроса еще требуют уточнения.

Глава 3 —«Современная семья и семейный быт ногайцев»— состоит из введения, в котором показаны предпосылки формирования современной советской ногайской семьи, и пяти разделов, последовательно освещающих ее структуру и функции, материальные условия ее жизни, формы и мотивы заключения брака, свадебные обряды и обряды, связанные с рождением ребенка.

У ногайцев, как и у других народов Советского Востока, к числу главных предпосылок сложения современной семьи относилось раскрепощение женщины, и автор останавливается на нем особо. Вслед за провозглашением юридического равноправия горянки в Дагестане была проделана огромная работа по обеспечению ее фактического равноправия. Ногайки вовлекались в различные артели, а позднее в промышленность и в сельскохозяйственную кооперацию, привлекались к учебе и к общественно-политической жизни. Женотделы и бытовые секции местных Советов вели борьбу за улучшение бытового и правового положения ногайки, содействовали созданию женских и детских учреждений, женских клубов и уголков, ликбезов, юридических консультаций и кружков «правозаступниц». Все это сделало возможным подлинное раскрепощение ногайской женщины и обусловило коренные изменения в ее социальных ориентациях и семейных ролях.

С. Ш. Гаджиева хорошо показывает новые отношения в ногайской семье. Ее глава — теперь только руководитель, действующий на основе равенства и договоренности, а не на принуждении, как это было раньше. Он советуется с другими взрослыми членами семьи, прислушивается к их мнению. Супруги фактически равноправны, отошло в прошлое и былое беспрекословное повиновение младших старшим. Изменились и продолжают меняться внутрисемейное разделение труда, а также этикет взаимоотношений в семье. В то же время сохраняются и получают дальнейшее развитие такие традиционные черты образа жизни ногайской семьи, как уважение к старшим.

Важной предпосылкой развития семьи на современном этапе стал рост ее материального благосостояния. Основа этого последнего — заработки в общественном производстве, дополнительный источник — доходы от личного хозяйства. Автор приводит выразительные показатели высокого уровня семейных доходов, благоустройства селений, обеспечения семей товарами культурного назначения.

Изменения в положении женщины и молодежи непосредственно сказались на формах и мотивах брака. Брачный выкуп стал редкостью, браки заключаются по свободному выбору сторон, в быт широко вошли социально- и национально-смешанные браки. На последних автор останавливается более подробно, приводя цифровые данные об их доле и о тенденциях выбора национальности детьми из национально-смешанных семей. Наконец, характеризуя современные обряды свадебного и детского циклов, автор показывает, что в обрядовой жизни советской ногайской семьи исчезают многие архаические, консервативные черты и входят в жизнь новые общесоветские традиции и обряды. «Они тесно переплетаются с народными обычаями, обеспечивая тем самым не только преемственность культуры и быта, но и выполняя большие воспитательные функции. Многое при этом переосмысливается, наполняясь новым содержанием, получает в современных условиях иное звучание» (с. 157). Так, почти исчез шариатский обряд бракосочетания, происходит массовый отход от традиций свадебного скрывания, приобщение молодой к новой семье очистилось от унизительных процедур, подчеркивавших ее подчиненное семейное положение, проникли в быт торжественная регистрация бракосочетаний и рождений, семейные праздники новоселья, дня рождения, поступления в школу и вуз, проводов в Советскую Армию и т. п. Вместе с тем автор привлекает внимание к тому, что еще не до конца изжиты старые формы заключения брака, обременительные свадебные платежи, многообразные проявления обычаев избегания.

Можно пожалеть, что глава, посвященная семье и браку у ногайцев в советское время, заметно короче предыдущих, а главное, что в ней не использованы в полной мере возможности этносоциологической методики, которой, как это показывают другие работы С. Ш. Гаджиевой, она хорошо владеет. Однако в целом достоинства рецензируемой монографии намного весомее ее отдельных недостатков. С ее выходом этнографы (и не только они) получили первое фундаментальное исследование о развитии семьи и брака у ногайцев.

Я. С. Смирнова